

– Это ты причиной тому, что твой сын Стейнар начал тяжбу против моего сына Торстейна и собрал столько народу, чтоб объявить Торстейна вне закона?

– Я не виноват, – сказал Анунд, – что между ними раздор. Я потратил много слов, убеждая Стейнара помириться с Торстейном, потому что я всегда избегал оскорблять твоего сына Торстейна. Я делал это ради старой дружбы, которая была между нами, Эгиль, с тех пор как мы выросли такими близкими соседями.

– Скоро станет ясно, – ответил Эгиль, – говоришь ты правду или лжешь, хотя я и не могу поверить во второе. Я вспоминаю те дни, когда каждому из нас показалось бы невероятным, что мы так вот станем судиться и не сможем удержать наших сыновей от глупостей, о которых я сейчас слышу. Я считаю, что, пока мы живы и раз эта ссора наших сыновей, надо нам взять это дело в свои руки и уладить его. Не позволим Одду из Тунги и Эйнару стравливать наших сыновей, как лошадей.¹⁰³ Пусть они лучше умножают свое добро другим способом, чем берясь за такое дело.

Тогда Анунд встал и сказал:

– Верно говоришь ты, Эгиль, и нам не подобает быть на том тинге, где судятся наши сыновья. Стыдно будет нам, если мы не сможем их помирить. Я хочу, Стейнар, чтобы ты доверил мне это дело и предоставил вести его, как я найду нужным.

– Я не знаю, – ответил Стейнар, – могу ли я отказаться от своего иска, после того как я заручился поддержкой знатных людей. Я буду добиваться только такого конца, который удовлетворит Одда и Эйнара.

Тут Одд и Стейнар посовещались между собой, и Одд сказал:

– Я буду оказывать тебе поддержку, как я тебе обещал, пока ты не добьешься закона или такого конца дела, на который ты согласишься. Кто знает, как повернется твое дело, если решение по нему будет выносить Эгиль?

Тогда заговорил Анунд:

– Слова Одда мне не указ. От него я ни хорошего, ни плохого не видел, а Эгиль сделал мне очень много добра. Я доверяю ему гораздо больше, чем другим, и потому возьмусь за это дело сам. Тебе не стоило бы восстанавливать нас всех против себя. До сих пор я всегда решал за нас обоих. Так будет и сейчас.

– Ты слишком рьяно берешься за это дело, отец, и мы не раз, я думаю, раскаемся в этом.

После этого Стейнар передал дело Анунду, чтобы тот продолжал тяжбу или заключил мировую, как полагалось по закону. И Анунд, как только взял дело в свои руки, пошел к Торстейну и Эгилю. Он сказал:

– Теперь, Эгиль, я хочу, чтобы ты судил и решал сам, как тебе угодно, так как я верю твоему решению больше всего, в моих делах, как и во всех прочих.

Анунд и Торстейн подали друг другу руки и просили присутствующих быть свидетелями того, что Эгиль, сын Скаллагрима, сам должен решить дело на тинге, как он хочет, без всяких ограничений. Разговор на этом кончился и люди разошлись по своим палаткам. Торстейн велел подвести трех быков к палатке Эгиля и зарезать их, чтоб кормиться во время тинга. А Одд из Тунги и Стейнар вернулись в свою палатку, и Одд сказал:

– Раз ты, Стейнар, с твоим отцом решили прекратить вашу тяжбу, я считаю себя свободным от обещания оказывать тебе поддержку, так как мы договаривались, что я должен поддерживать тебя до того, как ты выиграешь тяжбу, или до такого ее прекращения, которое бы тебя удовлетворило.

Стейнар сказал, что Одд поддерживал его хорошо и смело и что их дружба должна стать еще крепче, чем раньше.

– Я считаю, – добавил он, – что ты свободен от обязательства, которое дал мне.

Вечером собрались судьи для решения дел, но рассказывают, что ничего особенного не произошло.

LXXXII

На другой день Эгиль, сын Скаллагрима, пошел на холм тинга, и с ним Торстейн и все их люди.

¹⁰³ Стравливание лошадей было излюбленной забавой в Исландии. Такой лошадиный бой происходил на специальных тингах